

Субъективный аспект конфликта в информационно-сетевом обществе

© В.А. Савченко

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены вопросы влияния на состояние общества информационно-сетевых технологий и их возможности изменения конфликтного потенциала. Предложен ряд рекомендаций для минимизации опасных последствий влияния субъекта, использующего самые передовые средства коммуникации для разжигания масштабного конфликта. Сформулирована научная гипотеза о том, что соотношение объективных и субъективных причин конфликта в информационно-сетевом обществе меняется в сторону субъективных.

Ключевые слова: конфликт, солидарность, информация, Интернет, информационное пространство, киберпространство, социальные сети, боты, когнитивные искажения

Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям, независимо от того, насколько она в действительности реальна.

У. Томас

На современном этапе развития информационные технологии в значительной мере определяют характер коммуникаций и наблюдается процесс ускорения по времени этой тенденции. Невозможно обойти стороной вопрос о процессе коммуникации между участниками конфликта на начальном этапе конфликтного взаимодействия и о том, каковы возможности субъекта, использующего новые технологии и посредством их влияющего на процесс зарождения и протекания конфликтного взаимодействия. Отмечается, что в новых условиях феномен социального конфликта изучен в недостаточной степени, что, в свою очередь, приводит управленческий корпус к не вполне адекватным действиям при попытках урегулировать конфликтные ситуации. Исследования, касающиеся вопросов конфликтного взаимодействия, были актуальны для прошлого технологического уклада, с течением времени назрела необходимость дополнительных исследований. Образовалась новая информационная парадигма, которая проникает во все общественные процессы и меняет их, в том числе и приоритеты, ценности, ментальность, наклонности отдельных людей,

составляющих структурные элементы социальных систем, и тех, которые прошли процесс социализации под воздействием информационно-сетевых технологий.

В широком смысле конфликт понимается как наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе социального взаимодействия. Он заключается в противодействии участников и обычно сопровождается негативными эмоциями, выходящими за рамки правил и норм (лат. *conflictus* — столкнувшийся). Это деструктивная форма обострения социальных противоречий, вызванных противоположностью интересов, целей, ценностей различных социальных акторов, сопровождающаяся столкновениями между субъектами конфликта.

Один из наиболее актуальных вопросов социальной философии — соотношение реальных и мнимых оснований конфликта и их динамика с течением времени.

Исследователи неоднократно обращали внимание на конечность возможностей приспособляемости человека к изменениям внешнего мира, поскольку эволюционно сложившиеся познавательные механизмы накладывают определенные ограничения. Применительно к конфликтам эта ситуация способна породить значительную напряженность между индивидами и группами, находящимися на различных уровнях по степени приспособляемости, т. е. между теми, у кого в сознании более объективная картина мира, и теми, кто находится в плену заблуждений. В век информационно-сетевых технологий генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти для тех, кто еще имеет возможности приспособиться. Социальная стратификация обретает новую логику по способностям индивидов формировать свою собственную независимую точку зрения и по способностям в короткие сроки освоить новые коммуникативные технологии и поставить их на службу своим интересам.

Социальные сети все больше отвоевывают пространство у традиционных каналов массовой коммуникации и лишают власти тех, кто еще недавно мог беспрепятственно формировать какое угодно общественное мнение. По данным 2019 г., более двух третей жителей Земли вовлечены в общение посредством социальных сетей с возможностью передачи за секунду видео- и фотоматериалов, звуковых записей (в том числе и пропагандистского содержания): «Сети составляют новую социальную морфологию наших обществ..., а ключевые социальные структуры и деятельность их членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [1, с. 411].

Для осмысления динамики взаимодействия и формирования установок на конфликт (солидарность) вполне уместно рассмотреть

ключевые отличия современного этапа развития общества от прошлых этапов. Параллельно с глобализацией и развитием средств коммуникации мир вошел в некое новое информационное состояние, которое характеризуется низкой долей действительных фактов и утверждений в потоке информации. Существенные социальные изменения иницируются фейковыми, ничем не подтвержденными новостями, а также эмоционально окрашенными фактами, снабженными неверными трактовками, необоснованными выводами, с помощью неадекватных интерпретаций. Ничем не подтвержденные факты использования запрещенного химического оружия и отравления оппозиционных лидеров становятся поводами для развязывания реальных войн и применения экономических санкций, вторжения в чужое информационное пространство под предлогом защиты свободы, демократии и гласности. Исследователи предпринимают попытки описать этот новый мир, где получатели «фейковых» новостей предпочитают при выборе стратегий поведения опираться на яркую, эмоционально окрашенную ложь, а не на скучную правду. Информации становится все больше, но подвергают проверке ее при опубликовании все реже. «Мир постправды — это не просто симулятивная копия реального мира, а гипернасыщенный вариант, который стремится его превосходить» [2, с. 79]. И в этом мире не становится меньше поводов для конфликта.

Журналистское и научное сообщество все менее способно предсказать макрогрупповые конфликты. Проведя предварительный анализ и обобщив большое количество исследовательских подходов, возможно предложить пять факторов возникновения конфликтов:

1) структурный фактор. Возникает из-за событий или обстоятельств в структуре социума, которые сложно изменить;

2) ценностный фактор. Включает принципы, которые человек или лидеры групп провозглашают и предполагают, что и другие будут им следовать: личностную систему ценностей, ценности групповые и семейные, профессиональные ценности и др.;

3) фактор отношений. Возникает в результате недовольства одной из сторон. На фактор отношений значительное влияние оказывают следующие составляющие: основа (принудительные или добровольные отношения), сущность (зависимые, независимые и взаимозависимые отношения), баланс (сильные, равные, слабые отношения), вклад ресурсов в общее дело (материальных, моральных, эмоциональных и др.), а также вся предыстория взаимоотношений конфликтующих сторон и психологическая совместимость;

4) поведенческий фактор. Возникает из-за конкретного, сиюминутного поведения одной из сторон или обеих (агрессивное, угрожающее, провоцирующее и др.);

5) информационный фактор. Возникает из-за искажения, сокрытия, нежелательного обнародования какой-либо информации, намеренно неправильной трактовки заинтересованным субъектом какого-либо события или из-за откровенной неправды.

Именно информационный фактор наименее всего представлен в исследовательских работах, но, как показывает современная практика, при возросшей роли информационно-коммуникационных технологий начинает обходить другие составляющие в «забеге причинности».

Можно привести следующие аргументы необходимости пересмотра отношения к феномену конфликта в условиях информационно-сетевого общества.

1. Каждый субъект конфликта (индивид или группа) реагирует на оппонента с учетом собственных оценок другого, которые могут не совпадать с реальностью. Для солидарности наблюдается похожая ситуация. События последних трех десятилетий наглядно демонстрируют возможности заинтересованной стороны «конструировать» эту реальность в головах у объекта манипуляции, влияющую на все стадии конфликта.

2. Каждый субъект конфликта, осознавая степень информированности другой стороны, подвергается влиянию собственных ожиданий и своего восприятия действий другой стороны. Эта степень информированности посредством СМИ искажается в любую сторону.

3. Конфликты происходят в определенной среде: семье, группе, общине, классе и даже в цивилизации, которая выработала символы, категории, нормы и ценности для успешной коммуникации, поэтому конфликт нельзя рассматривать вне более общего социального контекста. Средства массовой коммуникации обрели возможность влиять на степень оценки контекста субъекта, стремящегося понять истоки конфликта.

4. Конфликт может не только быть инициирован различными мотивами, но и породить новые мотивы или нивелировать старые. Чем дольше продолжается конфликт, тем сложнее понять первопричины, поскольку противоречивой информации накапливается все больше. При рассмотрении причин макрогрупповых конфликтов СМИ нередко уводят в сторону приемом: «трактовка — трактовка трактовки — трактовка трактовки трактовки» и т. д.

5. В сложносоставном конфликтном противоборстве у каждой из сторон наблюдается определенная структура взаимодействующих подсистем, действующих как целое. Наиболее явно это проявляется на макрогрупповом уровне. Посредством информационно-коммуникативных технологий появилась возможность влиять на подсистемы противоборствующей стороны, снижая ее эффективность. Например, в любом государстве имеются подсистемы, отвечающие за стабиль-

ность и монолитность общества, но посредством грамотной пропаганды оппозиции в революционном процессе эффективность этих подсистем резко снижается.

6. При осуществлении конфликтного взаимодействия зачастую вмешивается третья сторона, трактующая все значимые события в нужном ключе. Имеется реальность и ее отражение в сознании субъектов, вовлеченных в конфликт, а третья заинтересованная сторона путем трактовки в нужном ключе фактов и событий формирует нужное ей отражение действительной реальности, тем самым меняя степень готовности к солидарности или конфликту. Другими словами, есть объективные факты и есть их интерпретация. В век возросшего могущества сил, использующих новейшие информационно-телекоммуникационные технологии, в ряде случаев интерпретация фактов становится более значимой, чем сами эти факты.

Для более полного понимания феномена конфликта и солидарности необходимо также рассмотреть набор «переменных», влияющих на ход процесса:

- характеристики конфликтующих сторон (ценности, устремления, мотивации, их ресурсы, представления о всей конфликтной ситуации, что для каждой стороны есть потеря, а что рассматривается как достижение цели);
- предыстории взаимоотношений (отношения, стереотипы, что одна сторона думает о другой, и наоборот);
- природу того, что привело к конфликту (реальные основания или иллюзорные);
- среду, в которой протекает конфликтное взаимодействие (институты, уровень поощрения средой конфликтного поведения и т. п.);
- наличие или отсутствие заинтересованных сторон (их отношение к конфликтующим сторонам, заинтересованность в конфликте и его результатах);
- стратегию и тактику конфликтующих сторон.

На эти переменные все более значительно влияют новейшие средства массовой коммуникации.

Существуют четыре типа исследовательских подходов: каузальный, функциональный, диалектический, целевой. *Каузальный* подход предполагает рассмотрение истоков конфликта для понимания его сути. Его сторонники считают, что именно причины являются элементом объяснения конфликта. *Функциональный* подход основан на предположении, что конфликт есть сущность любой организации, а не ее случайное состояние. *Диалектический* подход базируется на восприятии организационных отношений как изначально противоречивых. *Целевой* подход предполагает рассмотрение желаемого конечного состояния для обеих сторон, которого каждая сторона

желает достичь. Все указанные подходы взаимно дополняют друг друга в вопросах объяснения сложносоставных конфликтных ситуаций. Анализ литературы показывает наличие довольно большого ее объема, который представляется возможным классифицировать по направлениям на социальное, организационное, социально-психологическое. Именно социально-психологическое направление представлено наименее разработанным.

В конфликтной ситуации, в основе которой значительную роль играют информация и субъективные отношения участников, факторами конфликта выступают:

- субъективная картина ситуации, складывающаяся в сознании каждого участника;
- представление сторон о самих себе и противостоящей стороне, о ценностях и идеалах каждой стороны;
- представление каждого субъекта конфликта о том, как оппонент воспринимает его [3].

На интенсивность конфликта влияют как недостаток, так и избыток информации. На современном этапе развития средств коммуникации и расширения географии влияния транснациональных информационных агентств намеренно распространяемая необъективная информация на протяжении длительного промежутка времени способна явиться существенным конфликтогенным фактором. Ряд кризисных конфликтных ситуаций в мире возник по причине идеологической подготовки населения на раннем этапе развития конфликтной ситуации, активная фаза начиналась с появлением «сакральной жертвы», трактовки события в необходимом ключе и призывов лидеров через Интернет выйти на улицы и заявить свое несогласие. Перевод толпы из конвенциональной в агрессивную сегодня является технологически разрешимой задачей. Ряд революций на Ближнем Востоке и в постсоветском пространстве был бы просто невозможен без Интернета и социальных сетей.

В свете конфликта с информационным основанием следует рассмотреть работы М. Маклюэна, который утверждал, что электронные средства коммуникации являются продолжением нервной системы человека и преобразуют все стороны его психической и общественной деятельности. В наступившей эпохе «нового племенного человека» царствует миф, а с помощью средств массовой информации вскоре «можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур», поскольку самые совершенные средства коммуникации способны из любого пустяка создать сообщение всемирного значения [4, с. 211]. Социальные медиа имеют пока не вполне осознанное исследователями влияние на все существующие структуры государства. Объективность как важнейший принцип теории журна-

листки отходит на второй план, и некоторые исследователи обращают внимание, что «фейковые» новости становятся новой высокоэффективной формой пропаганды. Существует мнение, что в настоящее время отдельному индивиду выгоднее быть неинформированным, чем дезинформированным [5].

Американский психолог М. Дойч классифицирует факторы конфликта по критерию истинности — ложности:

- случайный, или условный, — зависящий от легко изменяемых обстоятельств, что, однако, не осознается сторонами;
- смещенный — явный конфликт, за которым скрывается другой, невидимый конфликт, лежащий в основании явного;
- неверно приписанный — конфликт между сторонами, ошибочно понявшими друг друга и неправильно истолковавшими проблему;
- латентный — конфликт, который должен был бы произойти, но которого нет, поскольку по тем или иным причинам он не осознается сторонами;
- ложный — конфликт, существующий только в силу ошибок восприятия и понимания при отсутствии объективных оснований. Возникает при наличии заблуждений участников взаимодействия.

Ложный конфликт не представляется понять, применяя классические исследовательские подходы, оставаясь в рамках одной научной дисциплины, для этого требуется междисциплинарный подход.

Причинность многих событий в современном мире, по мнению автора статьи, перетекает из сферы объективного в сферу субъективного, т. е. если индивиду что-либо кажется, то это есть реальное основание для действия и происходят социальные изменения. Сфера информационно-коммуникативных технологий способствует восприятию аудиторией искаженной картины мира, соответственно, это влияет на качество решений. Установки конфликтовать или солидаризоваться нередко возникают из мнимых оснований, не имеющих под собой реальных предпосылок. Мнимые основания обычно формируются искусственно субъектом, знающим особенности мышления объектов и понимающим механизмы функционирования новейших средств коммуникации. Сфера интересов когнитивных психологов и более глубокая «подсфера» когнитивных искажений способны в значительной мере обосновать субъективность интерпретаций как первооснову социального действия. «Таракан», зародившийся в отдельной харизматичной голове, способен перевернуть сознание других, конформных индивидов, которые пойдут единым строем и «перевернут» мир с ног на голову. История представляет немало примеров, когда сильный лидер искусственно создавал конфликт там, где его по свободному течению обстоятельств, быть не должно. Возникает необходимость пересмотреть подходы к конфликту как к объективному

явлению, особенно при наличии субъекта, инициирующего конфликт и использующего при этом современные средства распространения информационного контента. Люди живут не только в объективно существующем мире вещей, но и в субъективном мире идей, порожденных средствами коммуникации. Не утихают споры относительно того, какой из этих миров преобладает и имеет больший преобразовательный потенциал, ведь что-либо, созданное мыслью, спустя время с определенной долей вероятности материализуется в реальных действиях. Один из главных вопросов настоящего времени: кто и на каких этапах влияет на субъективное восприятие окружающей действительности и меняет течение мысли объектов воздействия?

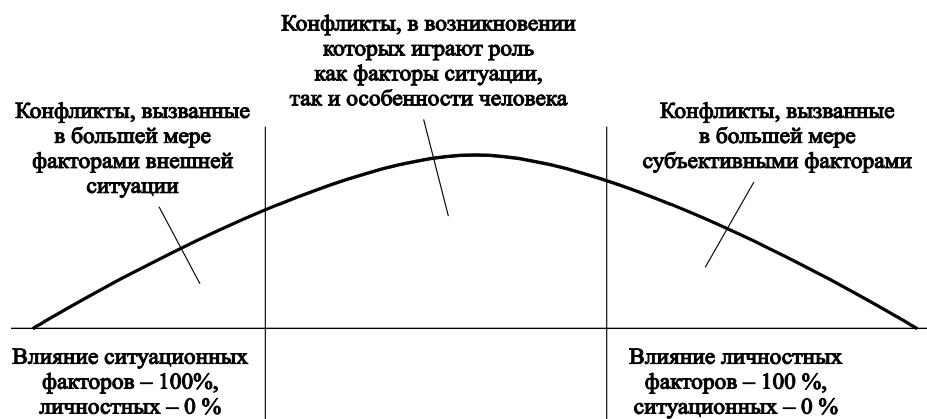
Существуют несколько типологий конфликта, но только Дойч, приводя свою классификацию, в отдельную категорию выделил так называемый ложный конфликт, возникающий вследствие ошибки или заблуждений по крайней мере одной из сторон, которая предполагает, что другая сторона совершает или намерена совершить агрессивные, неправомерные или другие нежелательные действия [6]. В основе этого конфликта лишь заблуждение одной из сторон или всех сторон конфликта разом, а практика революционной борьбы показывает, что средства массовой информации играют значительную роль в появлении этих заблуждений. Р. Фишер предложил понятие «конфликт ценностей». Он формируется вокруг несовместимых противоречий, принципов, в которые верят индивиды и которые соотносятся с групповой самоидентификацией (идеология, культура, обычаи, религия). Обычно к этому типу конфликта приводит несовершенство человеческой психики, воспринимаемое несоответствие реальности и представлений о ней. У. Томас писал: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям, независимо от того, насколько она в действительности реальна» [7]. Исходя из этой логики причиной конфликта может быть ложная, искаженная, излишняя, преждевременная или неправильно понятая информация. Неверное понимание фактов и событий, имеющих тенденций является одной из распространенных причин конфликта. М. Унамуно отмечал, что в мире гораздо больше глупости, чем злонамеренности. К сожалению, люди, имея представление о тех или иных событиях, не проверяют верность своих предположений, а выстраивают дальнейшее поведение исходя из отрицательных ожиданий. Далее включается механизм подтверждения выдвинутых гипотез и отсекаания информации, которая не соответствует гипотезе. Иными словами, подтверждается придуманный «злой умысел», который якобы пытается реализовать одна сторона, чтобы ущемить законный интерес другой. Г. Брумер отмечал, что человеческое действие — это скорее конструирование, чем реакция. Дойч серией экспериментов доказал, что установки на соревновательность —

важнейшее условие конфликта, в то время как установки на преодоление трудностей сообща — непрменный атрибут успешной процедуры устранения конфликтогена. Соломон Аш более чем полвека назад сказал: «Согласно нашей рабочей гипотезе, две соревнующиеся группы рано или поздно становятся враждебными друг другу, даже если состоят из уравновешенных индивидов».

Нет ни одного конфликта, в котором, помимо объективной составляющей, отсутствует субъективная, привносящая личные оценки, взгляды, убеждения и стереотипы. Субъективная оценка ситуации в ряде случаев способна при минимальной объективной компоненте конфликта (которая в той или иной мере присутствует всегда) создать ситуацию высокой степени сложности. В современной социологической науке недостаточно изучен вопрос феномена конфликта в обществе, где значительную роль играют информационно-телекоммуникационные сети. В ускоряющемся процессе создания и распространения информации недостаточно изучен вопрос субъективной компоненты конфликта, приобретающий в информационном обществе новые очертания.

Нередко упускается из виду, что латентные, непроявляющиеся конфликты не столько имеют непосредственные негативные последствия, сколько становятся причиной равнодушия и затрудняют процессы солидаризации. Это наглядно демонстрируют ситуации современных внешнеполитических кризисов, когда население отказывает в поддержке своему правительству при информационном давлении извне.

Исходя из рассмотренных выше причин возникновения конфликтов представляется возможным предложить следующую схему субъективно-объективной природы конфликта и выдвинуть гипотезу о том, что с развитием научно-технического прогресса, особенно средств коммуникации, границы причинности человеческого поведения находятся в постоянном движении, а под воздействием средств массовой информации имеют склонность смещаться вправо по графику (рисунок).

Субъективно-объективная природа конфликта

Социологи называют сетевое общество новой моделью цивилизации, где горизонтальные сетевые структуры начинают играть ведущую роль и наиболее важным является не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования. В рамках социальной философии представляется не в полной мере возможным понять феномены солидарности и конфликта, поскольку нельзя всесторонне оценить поведение человека при установлении и разрушении социальных связей без учета биологической природы самого человека. Н.М. Амосов утверждает, что биологического в человеке вдвое больше, чем социального. Оценить соотношение довольно сложно, поскольку человек биологические мотивы своего поведения часто не осознает, а если осознает, то маскирует их от окружающих и даже от самого себя. Г. Айзенк отмечал, что генетически наследуемой является предрасположенность поступать и вести себя определенным образом при попадании в определенные ситуации.

Без удовлетворительной степени понимания соотношений природного и социального в человеке останется большое количество неразрешенных вопросов в гуманитарных науках. Абсолютизация одной из сущностей приведет к «социологизаторству» или «биологизаторству», что в любом случае затруднит поиск научных истин. Наиболее продуктивно рассматривать человека в гуманитарных исследованиях как сложное переплетение биологического, психического и социального.

В научном сообществе появляется точка зрения, что в полной мере понять суть социальных изменений не представляется возможным только с позиции одной науки, необходим междисциплинарный подход с привлечением эволюционистов, психологов, палеоневрологов, историков, политологов, специалистов в области медиатехнологий и представителей других специальностей.

На современном этапе развития человечества появились новые факторы, способные влиять на уровень солидарности и конфликта: усложнение социальной системы до недостижимого понимания индивида среднего уровня и невозможности сформировать самостоятельно целостную картину мира, что уже само по себе является основанием для конфликта по меньшей мере с самим собой. При недостатке или противоречивости информации часть индивидов, формируя свою картину мира, опирается на лидеров мнений, их трактовки событий или тенденций, что в ряде случаев приводит к еще большему искажению действительности и приобретению конфликтных установок к другим индивидам или группам. Серьезное опасение вызывает усложнение системы коммуникации, степени наполнения информационных потоков (невозможно осмыслить даже половину полученной информации за день), а также переход каналов коммуникации субъектам, способным использовать их для разжигания конфликтов.

Проблемы осмысления новой информационно-коммуникативной реальности встали перед исследователями с середины XX в., особенно с появлением новых поводов для конфликта и солидарности. Попытки уловить суть происходящих в мире перемен породили большое количество теорий нового общества, которое получило названия постмодернистское, постиндустриальное, посткапиталистическое, информационное, сетевое. Основой новой научной рефлексии стали философские идеи постиндустриализма и информационного общества, обладающие наибольшей универсальностью. В индустриальном обществе основной характеристикой эффективного государства была стабильность, в сетевом — это динамичность, которая подразумевает определенную вариативность и свободу в решении вопросов [8]. Для большей эффективности сетевой структуры предполагается наличие в культуре большей степени открытости, коммуникативности, доверия, равноправия, независимости и инновационности между участниками.

Феномены солидарности и конфликта имеют широкие перспективы для осмысления в контексте масштабных социальных изменений, происходящих в России с распадом СССР. В ситуации глубоких и структурных кризисов наиболее отчетливо проявляются особенности солидаризированных социальных взаимодействий, причем сама ситуация конфликтов обуславливает изменение механизмов солидарности в обществе, а также соотношение между различными видами солидарности. Изменения имеют разнонаправленные векторы, один из наиболее значимых — ускоряющийся процесс информатизации. Ядром нового общества становится новая коммуникационная организация, в основе которой будет не информация сама по себе, а сетевая логика ее базисной структуры [9]. При этом в процессе взаимодействия происходит замещение текстовой информации визуальной, что серьезно изменяет коммуникативные практики в информационно-сетевом обществе. Рассматривая проблемы солидарности и конфликта, в новых условиях следует отметить, что любое общество имеет в структуре некую центральную зону, рассматриваемую Э. Шилзом как зона производства ценностей [10]. Но сетевое общество, как известно, не имеет центра. Возникает вопрос о системообразующем основании нового типа общества, в котором, как и прежде, находятся весомые основания для солидарности и конфликта.

Сегодня процесс конфликтного взаимодействия, по крайней мере на начальном этапе, представляется как обмен информацией между основными и второстепенными членами конфликтной ситуации. Более наглядно можно рассмотреть проблематику соотношения конфликта и солидарности в новых условиях на макрогрупповом уровне. История последних десятилетий демонстрирует способности Интер-

нета и социальных сетей углублять противоречия между крупными социальными группами и способствовать солидарности в протестном ключе. Эта проблематика существовала всегда, но с появлением сетевых средств коммуникации значительно обострилась. Конфликт между крупными социальными группами начинается с противоречий, реальных или мнимых, зачастую спланирован специальными организациями, и тезисы озвучены посредством оппозиционных каналов коммуникации. С помощью спланированных информационных атак государства теряют свои территории, разгораются войны и меняется глобальная политическая картина. Между субъектами противостояния наблюдается противоборство, исход которого определяет количество и качество информационных ресурсов, знания в области законов восприятия объектов воздействия. В научной среде все более укореняется понятие «информационно-психологическая война», отражающее суть происходящих перемен. С развитием новых средств коммуникации обнаружился еще один повод для конфликта — информационный конфликт как разновидность противоборства за контроль над информационными потоками с целью завоевания информационного пространства и использования его в своих интересах и целях при одновременном блокировании или подавлении интересов соперника и недопущении осуществления им своих информационных целей по «перекодировке» аудиторий [11]. Основным моментом в этом противостоянии является стремление сформировать единую точку зрения на ситуацию, по возможности устранив все альтернативные мнения. Такой проблемы для правительства не стояло ранее, когда средства массовой коммуникации принадлежали государству, в котором они функционировали. Некоторые социологи полагают, что уже в недалеком будущем информационные конфликты будут главным инструментом международного противоборства, снизят коэффициент реальной кровопролитности и сместятся в виртуальную среду [12, с. 58].

В информационно-сетевом обществе субъект, владеющий информационно-коммуникативными технологиями, приобретает некоторые конкурентные преимущества в вопросе создания солидарности в своем обществе и повышения уровня конфликтности в обществах, противостоящих на данном историческом промежутке. Опираясь на несовершенство познавательных способностей индивидов и используя самые передовые методы пропаганды, возможно усилить в обществе установки на конфликт.

Большинство исследователей выделяют три ключевых фактора, от которых зависит конструктивное разрешение конфликта:

- 1) объективная оценка конфликтной ситуации всеми участниками;
- 2) наличие эффективной системы коммуникации, готовность к совместному обсуждению проблемы;

3) создание доверительной атмосферы и условий сотрудничества сторон [13, с. 131].

Рассматривая эти три фактора, в современных условиях можно говорить о макрогрупповом конфликте как о программируемом явлении, поскольку при оценке всех трех составляющих стороны конфликтного взаимодействия опираются на информацию, специальным образом для них изготовленную теми, кто контролирует средства массовой коммуникации. Возникает также новая терминология, отражающая суть произошедших перемен. В обиходе появляется термин «постправда», или «постистина», характеризующийся обстоятельствами, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям. Постправда представляет собой информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ для создания виртуальной, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным сознанием. Все больше экспертов в области массовых коммуникаций приводят свидетельства того, что политика постправды становится преобладающей в общественных системах на основе информационного давления ангажированных СМИ и социальных сетей. Следует отметить, что феномен постправды был всегда, но с появлением новых сетевых форм коммуникации субъект, использующий этот феномен, приобрел могущественный инструментальный по формированию общественного мнения. Постправду иногда называют архаикой 2.0. Объективная информация становится продуктом, доступным немногим избранным, остальным гражданам информацию представляют дозированно и в обязательном порядке интерпретированной в необходимом ключе. В современных условиях яркая и эмоциональная интерпретация какого-либо факта в ряде случаев становится важнее самого факта. Жан Бодрийяр использовал понятие «симулякр», когда писал о недобросовестности медиа при освещении реальных событий и медиаподделок [14]. Одна из причин появления феномена постправды — практически полное отсутствие механизма допуска к опубликованию в СМИ только проверенных данных и «перетекание» в блогосферу функции по информированию населения.

Важную роль в процессе коммуникации играют модераторы и лидеры мнений (блогеры), отсюда и асимметричность коммуникаций в сетевых сообществах и блогосфере. Ведь тот, кто ее фильтрует, обеспечивает технологически, влияет на эмоциональное наполнение информационного контента, имеет больше власти и возможностей воздействовать на формирование «форума мнений» [15, с. 81]. Проблематика соотношений солидарности и конфликта в условиях информационно- сетевого общества представляется весьма значимой философской проблемой, небывалые возможности субъекта манипу-

ляции, которые недостаточно осмыслены, представляют собой источник опасностей для неподготовленного общества.

Отдельно стоит рассмотреть процесс глобализации и новые формы конфликтной активности. Как показывает мировой опыт, внешний заинтересованный субъект влияет на степень солидарности между жителями государства-реципиента следующими методами:

- создание молодежного протестного движения посредством социальных сетей;
- объединение пользователей вокруг протестных источников коммуникации;
- мобилизация групп диссидентов посредством блогосферы;
- формирование диалога между представителями правящих кругов государства-гегемона с лидерами оппозиции и отдельными блогерами.

Далее, как показал семантический анализ статей и репортажей таких блогеров, выбор лексических конструкций создавал негативное, предвзятое отношение к таким предметам повествования, как верховное руководство государства, его армия, правительство. С помощью семантико-стилистических синонимов давалась определенная оценочная характеристика действиям руководства страны, испытывающей информационное давление. Таким образом, увеличивается конфликтный потенциал населения целых стран и повышается вероятность революции [16, с. 289].

Ситуация усугубляется невозможностью контроля за допуском в информационное поле только проверенной информации, и при проведении информационно-психологических операций этим пользуются заинтересованные субъекты в борьбе цивилизаций за доминирование. Информационно-психологическое воздействие может сопровождать войну, а может быть основным инструментом ведения борьбы. В обоих случаях информационная интервенция обусловлена волей заинтересованных субъектов снизить уровень солидарности между различными субъектами внутригосударственной политики и повысить уровень конфликтности в обществе, противостоящем на данном историческом этапе. Подобные представления нашли отражение в концепции «мягких границ», согласно которой государство реализует суверенитет не в пределах своих границ, а в пределах того участка сетей взаимодействия, который оно способно контролировать [17].

Научное сообщество предпринимает попытки теоретического осмысления роли социальных сетей как пропагандистского инструмента в социокультурных процессах, среднесрочные и долгосрочные последствия пока не вполне очевидны, но отмечается возрастание их роли в вопросе повышения уровня конфликтности или солидарности. В основе гражданских социальных отношений лежат факторы,

связанные с системой ценностей, мировоззренческих и поведенческих стереотипов, представлений, на формирование которых значительно влияют средства массовых коммуникаций. В традиционных средствах массовой коммуникации субъект обязан «представиться», а в социальных сетях есть возможность отправителю сообщения или агитационных материалов остаться анонимным и не нести никакой ответственности за размещенный материал, и таких материалов становится все больше. Скрываясь под маской аватара, субъект может заниматься распространением информации любой направленности и не отвечать за последствия.

Психологические ориентации и установки индивидов, вовлеченных в систему межличностных взаимодействий, имеют огромное значение при выборе модели поведения, в том числе конфликтной. Обычно установкой обозначают более или менее устойчивый комплекс когнитивных и мотивационных ориентаций на ситуацию, который выполняет функцию регуляции выбора стратегии поведения и реакций в данной ситуации. Мотивационные ориентации, наделяющие пространство позитивной или негативной валентностью, определяют, в каком ключе отдельный индивид будет оценивать ситуацию. Искусственно создаются фильтры восприятия реальности, через которые индивид будет видеть окружающий мир. На современном этапе развития информационных технологий наблюдается стремление субъектов, заинтересованных в долгосрочном развитии, заранее, с начальных этапов социализации сформировать мотивационные реакции тех, кем предстоит далее управлять. Наблюдаются стремления вырастить индивида, способного солидаризоваться и конфликтовать в заданных рамках.

Очевидно, что социальные сети предоставляют огромные возможности для влияния на мотивационные реакции. За последние 20 лет во всех случаях смены власти с широкомасштабным применением насилия и вовлечением в них больших масс людей можно было наблюдать процесс изменения ориентации творческой интеллигенции с деятельности по сохранению существующего уклада, укреплению солидарности на его кардинальное преобразование, т. е. со служения господствующей политической элите на помощь контрэлите, обосновывающей несправедливость и неправомерность нахождения во власти нынешних элит. Деятельность такого рода осуществлялась в основном в социальных сетях, которые приобретают все большее влияние на массовую аудиторию, их материалы распространяются бесконтрольно и с огромной скоростью, которая на настоящий момент даже не оставляет времени для идентификации и обезвреживания. Современные технологии монтажа и компьютерной графики способны создавать агитационные материалы такого качества, что распознать подделку возможно только в специальных лабораториях.

В социальной сети будет просто невозможно найти «вбросившего» видеоролик, изготовленный подобным образом и изображающий, например, известного политика в непристойном виде, что непременно снизит его рейтинги. Опровержение обычно усиливает значимость информации, которую следует опровергнуть, поскольку опровергающий обращается уже к новому слушателю или зрителю, вызывая у тех интерес и заставляя искать информацию, которая была специально вброшена, чтобы опорочить кого-то. Практика показывает, что при ведении информационных войн агитационные материалы о противнике гораздо эффективнее и легче распространять, чем нейтрализовать агитационный материал противника в отношении себя [18, с. 411]. Наличие или отсутствие подобной работы может кардинальным образом менять ход протекания социальных процессов, не требуя значительных финансовых или трудовых затрат.

Наиболее эффективные агитационные материалы создаются с опорой на психологические особенности объекта манипуляции к ее восприятию. Каждый человек в ходе познания окружающего мира, оценки своего места в нем использует (осознанно или неосознанно) разные познавательные методы и приемы, сформировавшиеся в процессе эволюции. Исследователи обнаружили особенности процессов мышления, которые при определенных условиях формируют искаженную картину мира в голове у объекта манипуляции и способствуют формированию конфликта на «иллюзорном» основании. Одна из этих особенностей получила название «эффект контраста». Он проявляется в негативном отношении к своему социальному положению через сравнение его с образом жизни других людей, представляемых посредством СМИ как более благополучных. Показывая через СМИ и Интернет уровень жизни аналогичных социальных групп в более богатых странах, рассказывая об их правовых гарантиях и других важных аспектах жизни, возможно сформировать крайне негативное отношение к окружающей действительности в стране и своему правительству, хотя представленные материалы могут оказаться просто ложными или реальными, но статистически незначимыми.

Еще один эффект получил название «эвристика доступности», суть его заключается в том, что вероятность события объектом манипуляции в будущем рассчитывается в соответствии со скоростью извлечения информации об аналогичном случае в прошлом из своей памяти. Именно скорость извлечения информации из памяти выступает критерием вероятности для объекта пропаганды. Даже повторение одних и тех же сведений об одном и том же случае злоупотребления властью чиновника меняет отношение объекта манипуляции и делает его более негативно настроенным к действующей власти, поскольку информацию «легко извлечь» из своей памяти.

Следующий эффект — это «эвристика репрезентативности», когда объект манипуляции переносит характеристики части на целое, на всю совокупность. Если показать одного коррупционера, имеющего власть, в рамках обыденного сознания объекта пропаганды практически однозначно делается вывод: «Все они такие». Возможно также выделить одну-единственную черту личности, а объект манипуляции оценит по ней все остальные черты личности. Подчеркивая «неуклюжесть» в одной ситуации, возможно сформировать иллюзию, что объект атаки везде «неуклюж».

Значимый эффект изменения степени конфликтности или степени готовности к солидаризации получил название «спираль молчания». Он заключается в том, что субъект, манипулируя общественным мнением и используя каналы массовой коммуникации, представляет слово не большинству, а меньшинству, формируя иллюзию, что это мнение большинства. Автоматически включаются эволюционно сложившиеся механизмы конформного поведения у тех, кто начал считать себя оказавшимся в меньшинстве.

Эволюционно сформировавшиеся механизмы мышления на определенном этапе позволяли принять решение, приводящее к увеличению шансов отдельного индивида выжить и размножиться, но с появлением новейших средств массовой коммуникации познавательные способности не в полной мере позволяют сформировать объективную картину мира в сознании индивидов, что нередко приводит к неправильным умозаключениям и соответственно к выбору непродуктивных стратегий поведения. Это утверждение косвенно доказывает тот факт, что классические теории революции потеряли свою актуальность, и революции теперь более вероятны там, где правящие круги не могут контролировать информационное поле своей страны и противодействовать пропаганде оппозиции, изготовленной с опорой на несовершенство когнитивных способностей отдельных индивидов [19].

Изучением механизмов познания отдельным индивидом окружающего мира занимаются специалисты по когнитивной психологии, по состоянию на 2022 г. они открыли более двухсот «когнитивных искажений», которые заинтересованный субъект может использовать для увеличения конфликтного потенциала, оставаясь при этом в правовом поле.

С.В. Чугров отмечает, что сетевое мышление соединяет иррациональные трактовки иррациональных действий в единый, еще более иррациональный нарратив [20].

Чем раньше исследователи гуманитарных наук и представители управленческого корпуса осознают, что познавательные способности отдельного индивида биологически обусловлены, в значительной

степени сложились эволюционно и не соответствуют уровню развития средств коммуникации, тем более продуктивным будет изучение социальных процессов и создание прогнозных моделей поведения социума при внешнем целенаправленном информационном влиянии.

Как можно противостоять вызовам электронных технологий, нередко играющих деструктивную роль? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но имеется ряд рекомендаций, способных минимизировать опасные последствия влияния субъекта, использующего передовые средства коммуникации для увеличения конфликтного потенциала. Усилия представляется возможным сосредоточить на технологическом, правовом и социальном направлениях.

В рамках технологического направления нельзя обойтись без проводимого на систематической основе мониторинга деятельности организаций и отдельных лиц, способствующих усилению социальной напряженности, бесконтрольному росту притязаний граждан, целенаправленному умалению достижений власти. Следует проводить контент-анализ сообщений, пересылаемых объектами манипуляций друг другу «вирусным» образом и изготовленных с опорой на несовершенство познавательного аппарата объектов манипуляции (когнитивные искажения). Важно принимать контрмеры для раннего обнаружения, оценки и при необходимости блокировки распространения материалов, способствующих росту конфликтных установок, открыто призывающих к агрессивному конфликту. Необходимо выявление условий перехода творческой интеллигенции на службу контрэлита и изучение приемов, с помощью которых они вовлекают граждан в протестную деятельность (осуществляют молекулярную агрессию в культурное ядро общества, по мнению А. Грамши), когда сами остаются в рамках правового поля. Изучение инструментария подобного рода творческой интеллигенции требует пристального внимания, поскольку открытые специалистами по когнитивной психологии эффекты, приводящие к ошибкам в суждениях, обычно используются для создания агитационных материалов и формируют «фальшивую реальность» для объектов манипуляции, т. е. меняют их восприятие реального положения вещей в стране и своего места в ней. Активность большей части творческой интеллигенции важно направить в конструктивное русло, что потребует гораздо большей гибкости управленческого корпуса, чем та, которая наблюдается на современном историческом этапе. Требуется оценка вероятности распространения агитационных материалов из-за рубежа и блокирование иностранного влияния, повышающего социальную напряженность среди населения отдельных стран.

В рамках технологического направления очевидна необходимость создания передовых алгоритмов распознавания, активного противодействия операторам ботов и самим ботам, размещающим

контент антиправительственной направленности или иной, повышающей уровень социальной напряженности. Особое внимание следует обратить на информационный контент, имеющий способности к «вирулентности», т. е. вызывающий желание объекта, познакомившегося с ним, поделиться им со своим окружением посредством социальных сетей.

В рамках правового направления можно предложить меры по ускорению процессов адаптации общеправовых норм к сфере Интернета и социальных сетей, разработку специализированных правовых норм, позволяющих давать оценку иностранному влиянию и влиянию ботов на аудиторию государства-реципиента. Путем совместной работы со специалистами по социальной психологии можно каталогизировать эффекты, приводящие к ошибкам в суждениях объектов предреволюционной пропаганды для выделения наиболее вредоносных способов подачи информации, используемых пропагандистами, чтобы увеличить протестный потенциал [21]. Это дополнит арсенал уже разработанных мер информационной безопасности.

В рамках социального направления требуется сконцентрировать усилия на формировании культуры «информационной гигиены», обучать население распознавать акты манипуляции, скрытую пропаганду, прививать навыки использования информации, полученной только из достоверных источников, учить формировать независимую точку зрения. Для этого подходящей мерой будет создание специальных виртуальных сообществ, которые самостоятельно будут заниматься поиском, идентификацией, а также раскрытием актов манипуляции, распознаванием ботов и донесением информации об их деятельности.

Важно обращать внимание на объективные и субъективные причины появления эффекта относительной депривации, ведь человек, живущий в обществе потребления, сравнивает свое материальное и статусное положение с положением других социальных групп внутри страны и аналогичных социальных групп за рубежом, а информацию для сравнения он чаще всего получает с помощью средств массовой коммуникации. В данном контексте следует отдельно рассмотреть феномен постановочных видеороликов, которые объектами манипуляции будут рассматриваться как реальное событие и формировать соответствующие эмоциональные реакции, нужные манипулятору. В рамках снижения уровня относительной депривации и уменьшения социальной напряженности вполне уместна работа по осуществлению имеющихся ожиданий граждан. При экономическом прогнозе, не предполагающем рост уровня благосостояния населения (например, в период, когда к стране применены экономические санкции со стороны более могущественных соседей или когда реализуются слишком масштабные модернизационные проекты), необходимо более активно проводить разъяснительную работу с помощью «лиде-

ров мнений», понимающих ситуацию и способных в доступной для массового восприятия форме снизить уровень напряжения граждан и понизить протестную активность [22]. Кроме того, необходимо объяснить гражданам суть деятельности ботов, которые специально созданы для усиления эффекта относительной депривации и для повышения уровня социальной напряженности [23]. Часть индивидов в любом обществе в силу возраста или незрелости навыков критического мышления, получив трактовку событий в негативном ключе, становятся настроенными негативно к тому или иному объекту.

Активная работа по указанным направлениям с широкомасштабным использованием новейших средств массовой коммуникации и привлечением на свою сторону лояльно настроенной части «цифровой интеллигенции» (или хотя бы частичной переориентации нелояльной) способна понизить уровень конфликтного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Чумаков А.Н. *Глобальный мир: столкновение интересов*. Москва, Проспект, 2018, 518 с.
- [2] Сазонова А.А. Средства массовой информации как инструмент воздействия гуманитарных технологий на общественное сознание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2018, № 1, с. 78–81.
- [3] Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы). *Социально-политический журнал*, 1997, № 1, с. 202–212.
- [4] Манойло А. *Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны*. Москва, Горячая линия, 2003, 541 с.
- [5] Иванищева О.Н. Фейковые новости как новая форма пропаганды. *Человек. Культура. Образование*, 2018, № 4, с. 104–110.
- [6] Дойч М. *Распределительная справедливость: Социально-психологическая перспектива*. Нью-Хейвен, Изд-во Йельского ун-та, 1985, 218 с.
- [7] Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1, 2*. New York, Dover, 1958, 411 p.
- [8] Цветков С.В. *Аксиосфера сетевого общества*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiosfera-setevogo-obschestva-1/viewer> (дата обращения 14.01.2022).
- [9] Расулов З.А. Формирование информационного поля как фактора развития политических отношений в условиях региона. *Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты: Материалы международной научно-практической конференции 15–16 января 2011 г. Пенза — Прага*. Пенза, Социосфера; Прага, 2011, с. 35–48.
- [10] Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход. В кн.: Осипов Г.В., ред. *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. Москва, Европа, 1972, с. 341–359.
- [11] Нехамкин В.А. Культурные перекодировки: Механизмы развития (философский анализ). *European Social Science Journal*, 2014, № 8, с. 55–62.
- [12] Назаретян А.П. *Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. (Синергетика исторического прогресса)*. Москва, Эксмо, 1996, 312 с.

- [13] Светлов В.А. *Современное введение в конфликтологию*. Москва, Нобель Пресс, 2013, 214 с.
- [14] Печенкина О.А. *Этика симулякров Жана Бодрийяра (анализ постмодернистской рецепции этического)*. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Тула, Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2006, 48 с.
- [15] Урбинати Н. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. Москва, Эксмо, 2016, 175 с.
- [16] Савченко В. *Субъективизм и революция в век информационных технологий. Право и Практика*. Москва, АНО, 2020, с. 284–291.
- [17] Шабанова О.С. *Информационно-психологический аспект национальной безопасности в условиях информационно- сетевого общества*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskiy-aspekt-natsionalnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-informatsionno-setevogo-obschestva/viewer> (дата обращения 14.01.2022).
- [18] Почепцов Г.Г. *Психологические войны*. Москва, РЕФЛ-бук, 2000, 529 с.
- [19] Липман У. *Общественное мнение*. Москва, Институт фонда «Общественное мнение», 2004, 146 с.
- [20] Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? *Полит. Политические исследования*, 2017, № 2, с. 42–59.
- [21] Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. Москва, АСТ, 2013, 336 с.
- [22] Назаретян А.П. *Психология стихийного массового поведения*. Москва, Академия, 2005, 160 с.
- [23] Багдасарьян Н.Г., Титов Р.В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 4, с. 3–18.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Савченко В.А. Субъективный аспект конфликта в информационно-сетевом обществе. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-770>

Савченко Виктор Александрович — аспирант факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: moisey.1982@mail.ru

The subjective aspect of the conflict in the information network society

© V.A. Savchenko

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper studies the influence of information and network technologies on the state of society and their ability to change the conflict potential, gives some recommendations to minimize the dangerous consequences of the influence of a subject using the most advanced means of communication to foment a large-scale conflict, and formulates a scientific hypothesis that the ratio of objective and subjective causes of conflict in the information network society is changing towards subjective ones.

Keywords: conflict, solidarity, information, Internet, information space, cyberspace, social networks, bots, cognitive distortions

REFERENCES

- [1] Chumakov A.N. *Globalny mir: stolknovenie interesov* [Global world: clash of interests]. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 518 p.
- [2] Sazonova A.A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice)*, 2018, no. 1, pp. 78–81.
- [3] Deutsch M. *Sotsialno-politicheskiy zhurnal (Socio-Political Journal)*, 1997, no. 1, pp. 202–212.
- [4] Manoylo A.V. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [State information policy in the context of information-psychological warfare]. Moscow, Goryachaya liniya Publ., 2003, 541 p.
- [5] Ivanishcheva O.N. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie — Human. Culture. Education*, 2018, no. 4, pp. 104–110.
- [6] Deutsch M. *Distributive Justice: A Social-Psychological Perspective*. 1st ed. Yale University Press, 1985, 313 p.
- [7] Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America, vol. 1, 2*. New York, Dover, 1958, 411 p.
- [8] Tsvetkov S.V. *Aksiosfera setevogo obschestva* [Axiosphere of the network society]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiosfera-setevogo-obschestva-1/viewer> (accessed January 14, 2022).
- [9] Rasulov Z.A. *Formirovanie informatsionnogo polya kak faktora razvitiya politicheskikh otnosheniy v usloviyakh regiona. Informatizatsiya obschestva: sotsialno-ekonomicheskie, sotsiokulturnye i mezhdunarodnye aspekty: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–16 yanvarya 2011 g. Penza — Praga* [Formation of the information field as a factor in the development of political relations in the region. Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference January 15–16, 2011 Penza — Prague]. Penza, Sotsiosfera Publ., Praga, 2011, pp. 35–48.
- [10] Shils E. *Obschestvo i obschestva: makrosotsiologicheskii podkhod* [Society and societies: macrosociological approach]. In: Osipov G.V., ed. *Amerikanskaya sotsiologiya: Perspektivy, problemy, metody* [American Sociology: Perspectives, Problems, Methods]. Moscow, Evropa Publ., 1972, pp. 341–359 (In Russ.).

- [11] Nekhamkin V.A. *European Social Science Journal*, 2014, no. 8, pp. 55–62.
- [12] Nazaretyan A.P. *Agressiya, moral i krizisy v razvitii mirovoy kultury. (Sinergika istoricheskogo progressa)* [Aggression, morality and crises in the development of world culture. (Synergetics of historical progress)]. Moscow, Eksmo Publ., 1996, 312 p.
- [13] Svetlov V.A. *Sovremennoe vvedenie v konfliktologiyu* [Modern introduction to conflictology]. Moscow, Nobel Press Publ., 2013, 214 p.
- [14] Pechenkina O.A. *Etika simulyakrov Zhana Bodriyara (analiz postmodernistskoy retseptsii eticheskogo)*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The ethics of simulacra by Jean Baudrillard (analysis of the postmodern reception of the ethical). Cand. philos. sc. abstract]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2006, 48 p.
- [15] Urbinati N. *Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People*. Harvard University Press, 2014, 320 p. [In Russ.: Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod*. Moscow, Eksmo Publ., 2016, 175 p.].
- [16] Savchenko V. *Subjectivism and revolution in the age of information technology. Law and Practice*. Moscow, ANO Publ., 2020, pp. 284–291.
- [17] Shabanova O.S. *Informatsionno-psikhologicheskii aspekt natsionalnoy bezopasnosti v usloviyakh informatsionno-setevogo obschestva* [Information-psychological aspect of national security in the information-network society]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psikhologicheskii-aspekt-natsionalnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-informatsionno-setevogo-obschestva/viewer> (accessed January 14, 2022).
- [18] Pocheptsov G.G. *Psikhologicheskie voyny* [Psychological wars]. Moscow, REFL-buk Publ., 2000, 529 p.
- [19] Lippman U. *Public opinion*. Free Press; reissue ed., 1997, 288 p. [In Russ.: Lippman U. *Obschestvennoe mnenie*. Moscow, Institut fonda «Obschestvennoe mnenie» Publ., 2004, 146 p.].
- [20] Chugrov S.V. *Polis. Politicheskie issledovaniya — Polis. Political Studies*, 2017, no. 2, pp. 42–59.
- [21] Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. Farrar, Straus and Giroux, 1st ed., 2013, 499 p. [In Russ.: Kahneman D. *Dumay medlenno... reshay bystro*. Moscow, AST Publ., 2013, 336 p.].
- [22] Nazaretyan A.P. *Psikhologiya stikhiynogo massovogo povedeniya* [Psychology of spontaneous mass behavior]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 160 p.
- [23] Bagdasaryan N.G., Titov R.V. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2014, no. 4, pp. 3–18.

Savchenko V.A., post-graduate student, Faculty of Social and Human Sciences, Bauman Moscow State Technical University.